

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И ПРОБЛЕМЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ТОПОНИМОВ

Изучение семантики топонимов является актуальнейшей задачей топонимического исследования, игнорирование которой делает невозможным моделирование компонентов топонимических систем, недопустимыми топонимические этимологии: "Надежность топонимических этимологий во многом зависит от использования в качестве методического приема принципа семантической мотивированности. Этот принцип состоит в учете своеобразия лексики, которая употребляется в топонимии" [1]. Между тем семантическая самобытность топонимии изучена недостаточно. Это связано со многими трудностями; назовем лишь две из них.

Ограниченность топонимики приводит к развитию повышенной многозначности отдельных лемм, к формированию специализированных значений, отсутствующих в нетопонимической лексике, например, кошачий (о ручье) - "мелкий, расположенный близко от деревни". Кроме того, многие топонимы архаичны и механизм их образования невоспроизводим на современном этапе, как невозвратно то время, когда они были созданы. Незнание этого механизма сказывается на качестве топонимических этимологий. Например, А.И.Кривошекова-Гантман решительно отвергает этимологию названия р.Инъя из коми инь "женщина" и я "вода", утверждая, что это семантически неприемлемо: "Наука о географических названиях не знает таких примеров, когда реки называли бы по их принадлежности мужу и жене. И еще. На бывшей территории коми-пермяков есть р.Инъя... Здесь та же основа инь, хотя речку никто не называл женой или принадлежащей жене: протекает она по такой местности, куда, наверно, не часто ступала нога даже охотника-мужчины" [2]. Представляется, что исследовательница экстраполирует современные принципы номинации на далекое прошлое; в то же время известно, что в представлениях разных на-

родов понятия "река" и "женщина" были тесно связаны¹.

В силу этих причин необходимо совершенствовать методику семиологического изучения топонимии. В данной статье предпринимается попытка показать роль семантических микросистем² как источники информации о семантике топонима и возможность их использования в практике топонимических исследований.

Чем обоснована возможность учета семантических связей при реконструкции значения топонима?

Совокупность географических названий определенной территории может рассматриваться как некоторый текст. Как и во всяком тексте, топонимы могут сочетаться друг с другом по смыслу, образуя семантические микросистемы. Отношения сочетаемости реализуются у топонимов средствами парадигматики, так как парадигматика является наиболее рельефной в номинативном отношении категорией: семантические микросистемы представляют собой тот особый случай, когда "парадигматическая близость единиц в системе обуславливает синтагматическую их близость в тексте" [4]. В настоящее время многими исследователями признается, что информация о сочетаемости заложена в семантике слова, ср.: "Слово хранит "воспоминание" о всех прошлых контекстах, в которых оно участвовало, и несет на себе тень всех будущих контекстов, в которых оно может участвовать согласно своей природе" [5]. Внутри контекста действует закон семантического поглощения [6], поэтому анализ конкретного контекста помогает восстановить реализующееся в данном случае значение слова; анализ круга контекстов - парадигму значений слова. Безусловно, контекстные связи не исчерпывают всех смысловых валентностей слова, но не реализованный в данном временном измерении смысловой резерв рано или поздно найдет свое стражение в контексте. Коррелирующие топонимы можно рассматривать как своеобразный контекст [7; 8] - отсюда понятия ценность его как источника информации о семантике топонима.

1. На этом основании И.Г.Добродомов в статье о говорящем названии. "Не "река" - а "женщина" (о достоверности топонимических этимологий)" предлагает соответствующее этимологическое решение для гидронима Обь (Обь < коми-зыр. об "тетка") [3].

2. Под семантической микросистемой в топонимии понимается комплекс топонимов, в котором при пространственной смежности объектов наблюдается семантическая связь элементов комплекса.

Однако использование топонимического контекста в этой роли затрудняется рядом обстоятельств.

Во-первых, достаточно сложной задачей является само выделение микросистемы в топонимическом пространстве. Работая с уже сложившейся топонимической системой, можно пройти мимо когда-то взаимосвязанных названий, а можно навязать системе относительность там, где ее не было. При выявлении микросистем важнейшим критерием является убедительная семантическая связь названий и территориальная общность объектов. Могут быть также использованы вспомогательные критерии: 1) семантически связанные названия часто имеют одинаковое структурное оформление, например: оз.Красненькое - оз.Желтенькое - оз.Синенькое (Омск., Тевр.); ур.Делгая Присадка - ур.Круглая Присадка (Сверд., Гвр.); р.Пустиха - р.Разливаха (Влг., Гряз.).³ Одинаковое оформление подчеркивает выделенность микросистемы в топонимическом пространстве, усиливает ее организационно; 2) семантическая связь топонимов должна основываться людьми, пользующимися данной локальной топонимической системой. Наличие мотивировочного контекста, связывающего названия между собой, помогает квалифицировать их как семантическую микросистему (естественно, если при этом выполняется критерий семантической связанности): "Два озера, как ковшки, Корчажка и Братынька" (Арх., Вил.); "Штаны нам штаны пошня, двумя рукавами. А озади холм небольшой, возем Опояска. Как опояска к штанам-то" (Арх., В-Т); "В Красной Чюти соснак с красной корой, а в Черной Чюти кора темнее" (Влг., Кирил.); 3) о достоверности семантической связи свидетельствует устойчивая повторяемость данной микросистемы или наличие других семантических микросистем, реализующих данную модель. Например, достоверность существования пары круглый - долгий подтверждается многочисленными фиксациями ее на разных территориях и в разных "объектных вариантах" ("круглые" и "длинные" озера, поля, болота и пр.). Реальность пары пустой - зодрой поддерживается наличием оппозиций пустой - белый, пустой - рыбный; 4) немаловажна фиксация данной семантической микросистемы в нарицательной лексике, фольклоре. Топонимические оппозиции белый - красный - черный, петушок - курица, баба - дед, живой - мертвый и др. находят соответствия в аффилированной лексике, нередко встре-

3. Вдоль и далее примеры, данные без ссылки на источник, извлечены из картотек Топонимической экспедиции Уральского университета.

чаются в пословицах, загадках, сказках и других текстах, отражающих народные представления о мире.

Во-вторых, топонимический контекст, подобно палимпсесту, может содержать хронологически различные "записи" - результаты позднейших переосмыслений.

В-третьих, в семантических микросистемах могут функционировать топонимы, мотивированные не свойствами объекта, а логическими ассоциациями [9]. Наличие таких топонимов может спровоцировать извлечение ложной семантической информации.

Таким образом, специфика работы с топонимическим контекстом состоит в том, что контекстный анализ позволяет выявить системную мотивировку. Как соотносятся системная и исходная мотивировки? Исходная мотивировка - это реальное свойство или отношение, положенное в основу названия. Системная мотивировка - это контекстное приращение смысла, дополнительный семантический ступень, появляющийся при образовании микросистемы, это взаимообусловленность группы названий. У каждого топонима есть своя исходная мотивировка, системная мотивировка является общей для комплекса названий. Если номинации связаны на довербальном уровне, логика системной мотивировки соответствует исходной мотивировке каждого из топонимов. Если же номинации связаны только на вербальном уровне, такого соответствия нет. Выявив системную мотивировку, можно сделать предположения, во-первых, относительно ее соответствия/несоответствия исходной мотивировке каждого топонима, во-вторых, относительно отражения ее свойств объекта.

Реконструкция семантики топонимов с опорой на системные связи в последнее время начинает использоваться в практике топонимических исследований. А.К.Матвеев применяет этот метод при этимологизировании компонентов образных топонимических систем [10]. Е.С.Отин использует системные связи для реконструкции семантики гидронимов, ср.: "Выразительная устойчивость отдельных признаков линейного объекта иногда может привести к отражению (прямому или опосредованному) утраченной этимологической структуры названия главной реки в лексически прозрачных названиях ее притоков. Такое состояние топонимического контекста в отдельных случаях позволяет прибегнуть к своего рода "внутренней реконструкции" деэтимологизированного имени" [8. С.19]. Однако метод реконструкции семантики топонимов с опорой на системные связи еще не получил широкого распространения

в топонимах. Попытаемся описать те ситуации, когда целесообразно использование системных связей для реконструкции топонимической семантики.

I. Наиболее важен учет системных связей для интерпретации "стимулированных" топонимов (т.е. обусловленных логикой языковых ассоциаций), которые не могут получить удовлетворительного объяснения без опоры на топонимический контекст.

Например, А.И.Яценко в "Гидронимическом словаре Посемья" приводит название руч.Цыпка с комментарием "ясно" [II. С.107]. В то же время руч.Цыпка впадает в р.Курица, которая, в свою очередь, берет начало в озере Кочеток. Возможно, название-стимул в данном ряду - Курица: А.И.Яценко предполагает, что этот топоним образован от географического термина курья [II. С.51]. Не могла бы ни быть этимология стимула, топонимы Кочеток и Цыпка явно производны от этого названия. Ср. пример аналогичного ассоциирования в архангельской гидронимии: название оз.Курейное (Арх., Холм.) с точки зрения словообразования убедительно соотносится с термином курья⁴. Ассоциативно возникает название соседнего озера - Петуше. Существование подобной "семейной" модели подтверждается многочисленными примерами: р.Жеребец, р.Кобыль - притоки р.Конская (Днепр) [I2. С.195]; р.Кобыль Дрг, р.Жеребец - притоки р.Деренки (Курск.) [II. С.60]; р.Жеребец - приток р.Кобыла (Костр., Мамтур.; Влг., Ник.); поле Буреночка - поле Теленочок (Сверд., Мал.); пож. Барашек - пож. Вальна⁵ (Арх., Леш.); г.Волчиха - г.Волчонки (Сверд., Перв.) и т.д.

Необычно название р.Гнедая (Днепр) [I2. С.143]. Причины появления этого гидронима становится ясно, если учесть, что р.Гнедая - приток р.Вороная. "Вороних" рек довольно много в бассейнах Днепра и Дона. Е.С.Отин считает, что такие гидронимы образованы от укр. вороний "черный", когда это прилагательное еще не имело фразеологически связанного значения и сочеталось с более широким кругом имен [8. С.19-20]. Очевидно, позднее, когда значение аппеллятива, лежащего в основе названия реки, специализировалось, ассоциативно появилось название притока.

4. Возможность такой народноэтимологической связи подтверждается контекстом, записанным на другой территории: "Курья на Ковню, говорят. Речке идет, а от нее маленький ручишчик, как курья гнездо" (Арх., Конош.).

5. Бальна - "овечка" (СРНГ II, 89).

Интересна также пара руч. Верхручей - руч. Низручей (Арх., Вил.). Топоним Низручей на карте фиксируется в форме Низьручей (топоним Верхручей на карте не зафиксирован). Вилегодский район Архангельской области находится на границе с Коми АССР, и многие топонимы убедительно этимологизируются из коми языка, поэтому вполне вероятным представляется объяснение первого элемента названия Низьручей из коми ниязь "обозль" (КРО, 460). Затем этот топоним переосмыслился по ассоциации со словом низ - и соседний ручей, находящийся выше по течению, получает название Верхручей.

Возможно, аналогичным путем появилась пара названий притоков р. Лупья - руч. Ёлка и руч. Сосна (Арх., Ленск.). Естественно, казалось бы, связать эти топонимы с апеллятивами ёлка и сосна, но непонятно, почему они оформлены по редкой безаффиксной модели при наличии множества Ёловок и Сосновок. Метафора, нередко "оправдывающей" использование безаффиксной модели, здесь не могло быть. Вероятно, название Ёлка представляет собой результат народноэтимологического переосмысления коми топонима Ёль, образованного от термина ёль "лесной ручей" (КРО, 221). Такие гидронимы, а также названия, включающие компонент ёль в качестве детерминатива, распространены в топонимии Ленского района (ср.: руч. Первый Ёль, Второй Ёль, Третий Ёль - притоки р. Гыжег; руч. Верхний Ёль, Средний Ёль, Нижний Ёль - притоки р. Лупья; руч. Поляёль, Тылоёль, Ургасёль и др.). В этом случае гидроним Сосна появился как ассоциативная реакция на название соседней реки.

Название р. Утка в бассейне Днепра представляет собой народноэтимологическое переосмысление гидронима Удка, зафиксированного в письменных источниках XII-XIX вв. [12. С. 581]. Правильность восстановления исходного д подтверждается тем, что эта река впадает в р. Удай, т.е. Удка - деминутив к Удай. Название притока р. Утка - р. Селезень возникло, очевидно, как ассоциативная реакция на гидроним Утка.

Вообще распространена ситуация, когда названия, мотивированные только логикой языковых ассоциаций, появляются как реакция на безаффиксный топоним. Это понятно: отсутствия топонимических аффиксов "расковывает" восприятие таких названий, опосредованность мыслить "топонимически" и тем самым облегчает процесс ассоциирования.

2. Финируя непосредственные ассоциативные реакции, топонимические микросистемы могут помочь обнаружению существующих в народном сознании устойчивых связей и представлений.

Например, топонимы, образованные от этнонимов татары и чудь, на разных территориях встречаются вместе: ур.Татаронка - ур.Чудонка (Арх., Вельск.), оз.Татарское - оз.Чудское (Онеж., С.-Дог.), Татарские наводни у с.Чуды (Коостр.) [13], р.Татарка у г.Чудская (Перм.) [14. С.730]. Устойчивость этих связей заставляет думать о том, что она неслучайна. В то же время трудно предполагать, что во внутренней форме каждого из этих названий отразилась реальная сущность связываемой с определенным этносом. Скорее, данные топонимы объединены ассоциативной связью.

В некоторых случаях можно попытаться восстановить, менее название первично. Например, пара свердловских озер Татарское и Чудское находятся около д.Казань, название которой указывает, что она была заселена выходцами из Казанской губернии (это далеко не редкая ситуация для Урала). Отсюда ясно, как появилось название оз.Татарское. Для пары пермских топонимов, наоборот, первичным, скорее всего, является название г.Чудская, ср.: "По преданию, под ней (под горой Чудская. - Я.Б.) жилились народ чуди, жившая здесь. Ближе горы, возле рч.Татарки, ...находились укрепленный городок, и теперь еще видны следы бывшего около него вала" [14. С.730-731].

Но как получилось название-стимул - это не суть важно. Важно понять, как происходило ассоциативное сближение "татарских" и "чудских" топонимов. Специфика этнонимов татары и чудь в том, что с ними связывался не один определенный народ, а большая группа народов. Ср. название Татарского пролива между материком и островом Сахалин: по объяснению В.А.Миконина, оно не имеет отношения к татарам и дано европейцами, когда они ошибочно называли татарами все тюркские, монгольские, тунгусо-маньчжурские народы [15]. Аналогично все финские племена были известны под именем чуди [14. С.431]. Ср. сходное развитие семайских этнонимов немцы, отразившееся в мурманских топонимах о-в Немецкая Кузюв, губа Немецкая Виллаветская Губа (противопоставленных топонимам Русский Кузюв, Русская Виллаветская Губа): немцами русские называли всех иноземцев-неоказав, которые приходили на грабеж или рыбалку к Мурманскому берегу [16]. В семантике этих этнонимов (обозначавших народы, противостоявшие русским на данной территории) есть общая коннотативная сема "чуждый

этнос". Очевидно, этнопоним этой семы идет дальше - слова тагарс-
ний и чудской отягечены обозначением чуждого этноса вообще и на
этой почве абсолютистски обобщаются между собой. Это обобщение за-
крепилося и проявилось в топонимии.

Э. Специфика баянтских и территориального распространения тех
или иных топонимических оппозиций может указывать на факт заимст-
вовании отдельных моделей обозначения.

В этой связи рассмотрим архаичнейшие пары, в которых функци-
онируют лексемы большой - худой (вар. поганый, пьяхой). Эти пары
распространены по окраинам Архангельской области - в местах уединен-
ных контактов с финно-угорскими народами - преимущественно коми
(Ижменский, Лешуконский, Никольский районы, а также по I фации в
Вилегодском, Ленском, Верхнетоемском и Приморском районах). Вари-
анты названий и метатизировочные контексты указывают, что оппозиция
большой - худой тавтологична паре большой - малый, ср.: р. Большой
Кармазон - р. Худой Кармазон (вар. Малый Кармазон); р. Большой Зубач
- р. Худой Зубач (вар. Малый Зубач); р. Большая Ола (вар. Холодная
Ола, Нижняя Ола) - р. Худая Ола (вар. Поганая Ола, Старая Ола); р.
Большая Россия - р. Худая Россия ("одна маленькая россия, а другая
большая"), р. Войлас - р. Худой Войлас ("перед Войласом еще маленький
есть, Худой Войлас"); оз. Большое Озеро - оз. Худое Озеро ("там три
маленьких озера, маленькие, но рыбные, а рядом два больших озера"),
руч. Большой Ручей - руч. Плохой Ручей ("вовсе не плохой он, тем око-
та хорошая была") и т.д. В последних двух контекстах обнаружится не-
которые недоразумения информантов по поводу того, что маленький, но
богатый рыбой, дичью объект может быть назван худым (плохим). По-
вызательно также, что в одиночном употреблении "худые" топонимы
имеют оценочную семантику (на тех же территориях): "Худая Потля -
она худая и есть. Сырь, клочья, носить неудобница" (Арх., Пин.).
"Худой Ручей потому, что воды у его болотная, грязная" (Арх.,
Ленск.). Ср. также коррелятивные пары руч. Добрый Ручей - руч. Худой
Ручей (Арх., Леш.); р. Красная (очевидно, здесь красный - "хороший")
- р. Худая (Арх., Вил.).

В то же время модель большой - плохой распространена в коми
топонимии⁶: р. Чудд-Лява - р. Плох-Лява [17], р. Чудд Нерцета (дли-
на 157 км) - р. Плох Нерцета (длина 116 км), р. Большая Манарка

6. Коми чудд "большой" (КРС, 793-794) - плх "плохой, дурной,
омерзительный" (КРС, 373).

(142 км) - р. Дем Манариха (27 км), р. Нарида - р. Дем Нариды [18] и др. Характерно, что русскую пару большой - малый коми передают с помощью оппозиции малыд - дем: рассматривая названия притоков р. Усы Большая Роговая и Малая Роговая, А.К. Матвеев отмечает, что формы этих топонимов Малыд Рогэвэй и Дем Рогэвэй явно вторичны [19].

На основании этих фактов можно предположить, что модель большой - худой (погнеч, плохой), тождественная модели большой - малый, заимствована русской топонимической системой из финно-угорской (в первую очередь коми) топонимии.

4. Один и тот же топоним может функционировать в составе нескольких семантических микросистем, проявляя при этом различные значения или оттенки значений. Выявив возможно более полный набор "нотансных" партнеров" отдельного топонима, можно составить для них пучки мотивировки (такие пучки будут неполными, так как не все значения лексем проявляются в оппозициях. Однако подчеркнем, что анализ микросистем - часть комплексного анализа семантики топонимов). Мотивировочные пучки позволяют представить парадигму значений каждой отдельной лексемы, а это играет большую роль в практике семасиологических и ономастологических исследований.

Например, учет многозначности топонимической лексики необходим при составлении семантической типологии топонимов. Приведем это с помощью следующих примеров.

Лексема золотой при семантических классификациях чаще всего помещается в группу "цветовых" названий. Оппозиции, в которых функционирует эта лексема, говорят о том, что она может иметь оценоч-

7. С точки зрения типологии интересны примеры из кадыкской топонимии. В.Э. Очир-Гаряев отмечает, что кадыкские "плохие" названия коррелируют не с "хорошими", а с "большими": "Кадыкской топонимии чуждо противопоставление типа мх - сэн ("плохой" - "хороший"). Имея название с компонентом мх, обязательно искать названия с сэн... В кадыкской топонимии прилагательное мх ("плохой") приобретает значение "маленький" [20]. Типология заставляет задуматься о том, что данная модель могла возникнуть на русской почве независимо от финно-угорского влияния, однако узкий и олецифический ареал распространения описываемых пар пока не позволяет допустить этого предположения.

ное содержание: р.Золотой - р.Пустой (Арх., Пин.); луг Золотой Елань - луг Пустая Елань (Сверд., Кр-Уф.); р.Золотая Липа - р.Пустая Липа (Днепр) [12. С.141]. Ср. пары: р.Добрая Вода - р.Пинная Вода (Орлов) [21], полово Богатое - полово Пустое (Арх., Пенк.), т.е. синонимы лекосемы золотой - лексемы доброй и богатой. Основой для оценки может послужить внешний вид, чаще - хозяйственная ценность объекта, его пригодность для использования.

Труднее интерпретировать оппозицию золотой - серебряный (медный): руч.Золотой - руч.Серебряный (Арх., Холм.); руч.Золотой - руч.Серебряный (Она) [22]; о-в Золотой - о-в Серебряный (вар. Медный) (Арх., Пенк.). Возможно, один из элементов корреляции появился в результате механической ассоциации, однако не исключено, что в основе этой оппозиции - традиционная оценка свойств объекта (лексема золотой обозначает большую степень проявления признака, лексемы серебряный (медный) - меньшую). Ср. мотивировочный контекст: "Где поменьше леса, Медным остров называли, где побольше - Золотым" (ТБ). Существование такой традиционной модели подтверждается лексическими рядами: золотая свадьба - серебряная свадьба, золотой век - серебряный век - бронзовый век, многочисленными фольклорными ситуациями, где герой поочередно использует (достает) медные, серебряные и золотые предметы и только с помощью последних достигает цели.

Рассмотрим оппозиции, в которых функционирует лексема прямой: 1) прямой - поперечный: р.Прямой Искитин - р.Поперечный Искитин (Обь) [23], руч.Прямой - руч.Поперечный (Влг., Белоз.); 2) прямой - левый - правый: лог Прямой Коренной Лог - лог Левый Коренной Лог - лог Правый Коренной Лог (Сверд., Кр-Уф.); 3) прямо - против: бол. Прямокузовское - бол. Противкузовское (Арх., Уст.); 4) прямой - кривой: прт. Прямая Речка - прт. Кривая Речка (Том., Уват.); о-в Прямая Котка - о-в Кривая Котка (Арх., Прим.); р. Прямой Уснат - р. Кривой Уснат (Обь) [24]; дор. Прямая - дор. Кривая (Том., Уват.); г. Прямой Извоз - г. Кривой Извоз (Алтай) [25. С.181], пок. Прямая Посечь - пок. Кривая Посечь (Арх., Вин.); пок. Прямые Илы - пок. Кривые Илы (Влг., Кырил.); поле Прямое - поле Кривое (Арх., Вельск.) и др.; 5) прямой - косой: пок. Прямые Нентусы - пок. Косые Нентусы (Том., Уват.); дор. Прямая - дор. Косая (Арх., В-Т); 6) прямой - слепой: р. Прямая Шиверта - р. Слепая Шиверта (Алтай) [25. С.88].

В случаях 1) - 3) объекты сопоставляются по расположению в

пространстве. В основе оппозиции лежат следующие номинативные признаки: а) "расположенный вдоль - поперек", ср. также пары: г. Продольная Грива - г. Поперечная Грива (Там., Уват.); р. Повдольная - р. Поперечная (Обь) [26]; р. Собачья Продольная - р. Собачья Поперечная (Алтай) [25. С.88] - лексема продольный (повдольный) синонимична лексемам прямой; б) "расположенный в центре - слева - справа"; в) "расположенный перед - напротив".

В основу оппозиций 4) - 6) может быть положен признак формы: "прямые" объекты противопоставляются "кривым", "косым", "слепым" - т.е. искривленным, извилистым. Для нелинейных объектов, например, полей, покосов, этот признак получает дополнительный оттенок: "прямой" покос - тот, на котором можно "прямо" косить, т.е. без "углов", ровными рядами. Однако и здесь нельзя исключать пространственную мотивировку: "прямые" объекты - как правило, линейные - расположены под прямым углом к номинатору, "косые" или "кривые" - под тупым или острым.

Учитывая эти факты, нельзя согласиться с однозначной интерпретацией закона "относительной негативности" В.А.Никонова, которая приводится в монографии "Русские топонимы Алтая": отмечая, что в топонимии Алтая чаще встречается лексема прямой, чем кривой, авторы монографии объясняют это большим количеством искривленных русел в регионе (т.е. признак "прямой" выделяет объект из остальных) [25. С.82]. Однако, как показано выше, не все "прямые" названия можно связывать с воплощением признака формы.

Таким образом, мотивировочные пучки, выявляемые в ходе анализа микросистем, свидетельствуют о многозначности топонимической лексики. Ощутима следующая тенденция: чем частотнее лексема, тем более она многозначна, тем шире ее сочетаемость. Например, топоним-лексема долгий функционирует в составе оппозиций долгий - короткий: прт. Долгая Ока - прт. Короткая Ока (Арх., Карг.); пок. Долгие Паи - пок. Короткие Паи (Омон., У-Иш.); ур. Долгий Лог - ур. Короткий Лог (Коостр., Ней); долгий - круглый: оз. Долгий Оньчуж - оз. Круглый Оньчуж (Арх., Холм.); оз. Долгенькое - оз. Кругленькое (Челяб., Красн.); ур. Долгая Иянда - ур. Круглая Иянда (Влг., Белоз.); долгий - широкий: бол. Долгое - бол. Широкое (Влг., Вох.); пок. Долгие - пок. Широкие (Влг., Кирил.) и др. Топоним-лексема плоский коррелирует с лексемами глубокий, крутой, высокий, горбатый; контекстные партнеры лексемы пустой - богатый, золотой, рыбный (конкретные виды

рыб), бездонный, глубокий, живой, разлившийся; лексемы круглый -
долгий, длинный, короткий, острый, плоский и т.д.

Как отмечалось выше, большие семантические возможности пространственных лексем - следствие ограниченности топонимики: топонимизация охотнее обходится несколькими "излюбленными" моделями, чем задействует новые, поэтому расширяется круг сочетаемости популярных моделей.

В принципе, набор типовых связей невелик, достаточно традиционен и может быть описан в топонимическом словаре сочетаемости. Задачи такого словаря: 1) установить типовую сочетаемость для отдельных лексем, выявив возможных контекстных партнеров каждой лексемы; 2) дать ономастическую интерпретацию микросистем, определяя номинативный признак, положенный в основу названий. Топонимический словарь сочетаемости даст возможность учитывать типовые связи при составлении ономастической сетки, позволяющей вести направленный поиск топонимов при этимологизации.

Источники и литература

1. Матвеев А.К. Методы топонимических исследований. Свердловск, 1986. С.46.
2. Кривошекова-Гантман А.И. Географические названия Верхнего Прикамья (с кратким топонимическим словарем). Пермь, 1983. С.92.
3. Добродомов И.Г. Не "река" - а "жидина" (о достоверности топонимических этимологий) // Этническая ономастика. М., 1984.
4. Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989. С.40.
5. Морковкин В.В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слов и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М., 1984. С.7.
6. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М., 1982. С.153.
7. Топоров В.Н. Некоторые соображения в связи с построением теоретической топонимистики // Принципы ономастики. М., 1964.

8. Отин Е.С. К вопросу об этимологизировании гидронимов // Топонимика в региональных географических исследованиях. М., 1984.
9. Березович Е.А. Семантические микросистемы топонимов как факт номинации // Номинация в ономастике. Свердловск, 1991.
10. Матвеев А.К. Образное народное видение и проблемы ономастической и этимологической интерпретации топонимов // Вопросы ономастики. Свердловск, 1977. Вып.12. С.5-20.
11. Яценко А.И. Гидронимический словарь Посемья // Проблемы ономастики. Вологда, 1974.
12. Словник гидронимів України. Київ, 1979.
13. Соколова В.К. Типы восточнославянских топонимических преданий // Славянский фольклор. М., 1972. С.221.
14. Семенов П. Географическо-статистический словарь Российской империи. СПб., 1885. Т.5.
15. Никонов В.А. Краткий топонимический словарь. М., 1966. С.410.
16. Минкин А.А. Топонимы Мурман. Мурманск, 1976. С.146.
17. Словарь географических названий Коми АССР. Сыктывкар, 1990.
18. Туркин А.И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986.
19. Матвеев А.К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке Европейской части СССР // Вopr. языкознания. 1987. № 2. С.74.
20. Очир-Гаряев В.В. Калмыцкие названия поселков // Ономастика Поволжья. Саратов, 1976. Вып.IV. С.267.
21. Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С.38.
22. Смолицкая Г.П. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976. С.34.
23. Воробьева И.А. Системные связи топонимов средней части бассейна Оби // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1976. С.7.
24. Воробьева И.А. Топонимика Западной Сибири. Томск, 1977. С.62.
25. Русская топонимия Алтая. Томск, 1983.
26. Воробьева И.А. Русская топонимия средней части бассейна Оби. Томск, 1973. С.56.